

**АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН И СОВРЕМЕННЫЕ
НАПРАВЛЕНИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА**

О.Ю. Авдевнина

доктор филологических наук,
заведующий кафедрой русского языка и профессиональной коммуникации Саратовской
государственной юридической академии
Саратов, Россия
olga.rosauz@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.14565039>

Аннотация. Статья посвящена осмыслению новаторства А.С. Пушкина в области формирования русского литературного языка в аспекте методики преподавания русского языка и культуры речи. Сведения о А.С. Пушкине как родоначальнике современного русского языка и традиций современной речевой культуры имеют несомненный воспитательный и просветительский потенциал, который заключается как в авторитетности самого имени поэта, так и в историзме его языковых размышлений и поисков, актуальности его взглядов на язык и речевую культуру для современной языковой ситуации.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, литературный язык, стилевое расслоение литературного языка, простонародный язык, церковно-славянский язык, правильность языка и речи.

2024 г. в культурной жизни России был юбилейным: это год 225-летия Александра Сергеевича Пушкина и 210-летия Михаила Юрьевича Лермонтова. Юбилеи поэтов и писателей – это не только повод обратиться к наследию прошлого, но и спроецировать тот или иной исторический опыт и культурно-историческое явление на проблемы и веяния сегодняшней жизни, взгляды и задачи современного общества. Творчество же классиков, которое изучается в школе и формирует культурный базис каждого человека, всегда требует возвращения как к истокам не только культурных ценностей, но и отдельных традиций и общих мест в преподавании этих ценностей в школах и вузах.

В случае с А.С. Пушкиным это сложившиеся на сегодняшний день методические традиции преподавания русского языка и культуры речи. Под широким обозначением *русский язык* традиционно сегодня понимается его разновидность – *язык литературный*, а под *культурой речи* – формирование навыков владения ресурсами и нормами именно литературного языка.

Это сужение подходов к языковому образованию особенно актуально в нефилологических вузах, обучение русскому языку в которых носит не столько аналитический и информационный, сколько воспитательный, лично-формировующий и даже просветительский характер. В решении этих задач очень важно донести до студентов мысль об историзме как самого литературного

языка, так и требований и параметров культуры речи, продемонстрировать культурно-историческую обусловленность многих современных проблем его использования в речевой практике, например, проблем регламентации языка и речи, стилевой дифференциации тех или иных языковых единиц, принятия / непринятия заимствований и т.п.

Одно из первых представлений о литературном языке, формирующихся на занятиях по русскому языку и культуре речи это представление о литературном языке как системе определенных его качеств и характеристик, которые свидетельствуют о тщательной и целенаправленной его обработке для удобства использования в любой сфере общественной жизни. В социолингвистике к этим качествам традиционно относят: *нормированность*, т.е. подчинение использования литературного языка нормам и правилам; *кодификацию*, под которой понимается системное описание литературного языка в грамматиках, словарях, учебниках; использование литературного языка как в *устной*, так и в *письменной* формах речи; *стилевое расслоение* – наличие в литературном языке логико-функциональных стилей; *богатство и разнообразие* языковых средств: именно литературный язык вбирает в себя все лучшее, что есть в лексике, грамматике, синтаксисе языка национального и т.п.

Когда мы говорим о литературном языке как результате целенаправленного его формования, рафинирования из материала языка национального, мы всегда подразумеваем участие в этом процессе многих поколений конкретных людей: писателей, деятелей культуры, филологов, лексикографов и т.д. И за каждым из перечисленных выше качеств литературного языка стоит множество имен, начиная от Кирилла и Мефодия, давших нашей словесности письменность и первый опыт стилового расслоения речи (расслоения на речь русскую разговорную и церковно-славянскую книжную, которые будут конкурировать в русскоязычной речевой практике не одно столетие), первопечатника Ивана Федорова с его первым букварем, который можно считать одной из ранних попыток регламентации русского письма, М.В. Ломоносова с его теорией «трех штилей», разграничившей области функционирования старославянских и русских элементов речи, его «Российской грамматикой» – первым системным описанием русского языка, Я.К. Грота – автора первого теоретически обоснованного свода правил русского правописания, и многих других имен.

В этом ряду почетное место заслуженно занимает имя Александра Сергеевича Пушкина, единодушно признанный реформатором русского литературного языка, а его творчество – тем этапом в истории литературного

языка, с которого начинается *современный русский язык*. В чем же заключаются заслуги поэта по отношению к литературному языку и каковы те качества литературного языка, в которых в первую очередь проявилось его новаторство?

Ответ на этот вопрос рассыпан на страницах множества научных исследований его работ. Так, Л.В. Беднарская пишет: «Понятия «творчество Пушкина» и «язык» все теснее переплетаются в современной филологии, все яснее становятся те стратегические линии, те векторы, которые определили создание Пушкиным современного языка» [1, с. 6]. Наиболее полно и всесторонне эти векторы охарактеризовал один из главных исследователей роли А.С. Пушкина в становлении литературного языка академик В.В. Виноградов, который рассматривал его языковое новаторство в контексте, с одной стороны, организующего воздействия языка письменности и художественной литературы на язык национальный, с другой – «раздвижения границ литературы и осознания ее содержания на почве национальной культуры» [3, с. 12] – той концепции литературного творчества, которая господствовала в просвещенной части общества пушкинского времени и которую осознанно воплощал в жизнь и сам Пушкин.

Во многих работах В.В. Виноградова (например: [2, 3]) дан подробный анализ того, как в своих теоретических заметках и художественном творчестве А.С. Пушкин чутко улавливал и старался сопрягать разные стихии языка и речи: во-первых, стихию языка «хорошего общества» – салонного, регламентированного, рафинированного, со множеством запретов и ограничений, языка «олигархических бесед»; во-вторых, языка церковно-славянского – чопорного, абстрактного, философского; в-третьих, «языка просвирен и лабазников» – простонародного, почвенного, отражающего «образ мыслей и чувствований» народа, «понятных и близких соотечественникам» [6, с. 29], и, наконец, в-четвертых, влияния на русскую речь и литературу языков иностранных, в первую очередь, французского, стихии лексических заимствований, в контексте неоднозначного отношения к ним современного поэту общества.

Теоретически А.С. Пушкин рассматривал эти стихии как стилистическое расслоение современной ему русской речи, для которого характерно не взаимоисключение разных речевых практик, а распределение функций между элементами разных стилей по сферам общественной коммуникации. Поэтому, как пишут многие исследователи его творчества и невооруженным глазом может заметить в его произведениях любой читатель, в его произведениях

можно встретить все эти стихи и практики, отражающие непростую языковую ситуацию того времени.

В теоретических и художественных размышлениях А.С. Пушкина о языке можно наметить отдельные двучленные оппозиции перечисленных выше языковых стихий. И на первом месте оппозиция языка светского, салонного и языка простого народа. Например, в заметке «О поэтическом слоге» обращение к простонародному наречию он называет свидетельством развития поэтического языка: «В зрелой словесности приходит время, когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка условленного, избранного, обращаются к свежим вымыслам народным и к странному просторечию, сначала презренному» [6, с. 57]. Для этого он внимательно всматривается в тот арсенал слов, выразительных средств, выражений и т.д., который сформировался в просторечии. Например, предпринимает попытку толкования исторического происхождения и этнического смысла народных пословиц и отдельных простонародных слов («Старинные пословицы и поговорки»); например: «На посуле как на стуле. Посул – церковная дань, а не обещание, как иные думали; следственно, пословица сия значит – на подарках можно спокойно сидеть, как бы на стуле» [6, с. 364 – 365].

Интересны отдельные его примечания к произведениям о противопоставлении светского языка и просторечия. Так, в романе «Евгений Онегин» он пишет о разной стилевой нагрузке слов *дева* и *девчонки*, использованных в разных строфах романа:

Встает заря во мгле холодной;
На нивах шум работ умолк;
С своей волчихою голодной
Выходит на дорогу волк (...)
В избушке, распевая, *дева*
Прядет, и, зимних друг ночей,
Трещит лучинка перед ней. (Гл. четвертая, XLI: [5, с. 81])

...Музыка будет полковая!
Полковник сам ее послал.
Какая радость: будет бал!
Девчонки прыгают заране... (Глава пятая, XXVIII: [5, с. 97])

Примечание А.С. Пушкина: «В журналах удивлялись, как можно было назвать *девою* простую крестьянку, между тем как благородные барышни, немного ниже названы *девчонками*» [5, с. 167].

При этом, как отмечает В.В. Виноградов, истоки народности и национальной определенности языка и литературы А.С. Пушкин искал не только в простонародном языке, русских верованиях, обычаях и древнерусской истории, но и в языке церковно-славянском как в единственном на тот момент книжно-письменном варианте литературного языка: «Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного; но впоследствии они сблизились, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей» (А.С. Пушкин, цит. по: [3, с. 25]).

О сосуществовании в языковом сознании народа просторечия как разговорной формы русского языка и церковно-славянского языка как языка грамоты, начального образования пишет, например, А.А. Плетнева: «Вплоть до начала XX в. в крестьянской среде (а в XVIII – нач. XIX вв. и в городах) существовала система домашнего обучения церковнославянской грамоте. Первой учебной книгой был церковнославянский Букварь, который традиционно содержал несколько разделов: алфавит с названием букв, двухбуквенные и трехбуквенные слоги, слова под титлами, цифирь, некоторые молитвы и вероучительные тексты (...). В результате этого начального курса грамотности ученик не только обучался чтению, но и осваивал довольно большой корпус церковнославянских текстов. Естественно, что при таком обучении церковнославянский был более понятным и привычным, чем русский литературный язык, который, как известно, имел значительные отличия от диалектной речи и не изучался как самостоятельная система» [4, с. 214].

Художественный стиль А.С. Пушкина отразил церковно-славянское влияние на русскоязычную народность не только в аспекте поиска национальных корней языка, но и в контексте стилевой теории М.В. Ломоносова, которая, как известно, рассматривала место и роль в речи, в первую очередь, лексики старославянского происхождения¹.

Конечно, для современной речевой практики, прежде всего, для проблем речевой культуры противостояние и органичное единство языка народного и книжного старославянского уже давно неактуально, но оно может служить примером социальной стратификации языка и речи, социального престижа языковых стихий, противопоставления языка, которому учат, языку, на котором

---

¹ Подробнее об этом и о «невольном», традиционном, художественно-стилистическом употреблении «церковнобиблейских» А.С. Пушкиным см., например, работы: [2, 3, 7], а также историю полемики по вопросам использования старославянского языка в русской культуре между литературным обществом «Арзамас», в котором состоял А.С. Пушкин, и обществом «Беседы любителей русского слова» А.С. Шишкова.

говорят, что, как известно, является условием формирования речевой культуры общества.

Более актуальными для нашей современности и даже отчасти болезненными являются вопросы влияния на русский язык иностранных языков и проблема заимствований. Эти вопросы были острыми и в пушкинскую эпоху и получили отражение в его размышлениях о языке; например: «Множество слов и выражений, насильственным образом введенных в употребление, остались и укоренились в нашем языке (...) (смотри справедливое о том рассуждение г. Шишкова)»: *трогательный, хладнокровие, не в своей тарелке*» [6, с. 356]; заметка «О французской словесности»: «Изо всех литератур она имела самое большое влияние на нашу (...). Вредные последствия – манерность, робость, бледность. (...) Есть у нас свой язык; смелее! – обычаи, история, песни, сказки – и проч.» [6, с. 364].

При этом, вопреки языковым пуристам – шишковистам из общества «Беседы любителей русского слова», А.С. Пушкин не дистанцировался ни от западной культуры, ни от влияния на язык иностранных языков, ни от заимствований из иностранных языков. Известны его иронические комментарии в «Евгении Онегине» по поводу, с одной стороны, господства в дворянской среде французского языка и, с другой – крайнего неприятия заимствований, с аллюзией на полемику с А.С. Шишковым:

Еще предвижу затрудненье:
Родной земли спасая честь,
Я должен буду без сомненья,
Письмо Татьяны перевести (...)
Что делать! Повторяю вновь:
Доныне дамская любовь
Не изъяснялася по-русски,
Доныне гордый наш язык
К почтовой прозе не привык. (Глава третья, XXVI [5, с. 58])

Я знаю: дам хотят заставить
Читать по-русски. Право, страх! (...)
Не все ли русским языком
Владея слабо и с трудом,
Его так мило искажали,
И в их устах язык чужой
Не обратился ли в родной (Глава третья, XXVII [5, с. 58-59])

Она казалась верный снимок
Du comme il faut...(Шишков, прости:

Не знаю, как перевести.) (Глава восьмая, XIV [5, с. 147])

Того, что модой самовластной
В высоком лондонском кругу
Зовется vulgar. (Не могу...
Люблю я очень это слово,
Но не могу перевести;
Оно у нас покамест ново,
И вряд ли быть ему в чести... (Глава восьмая, XV-XVI [5, с. 148])

Раскаяться во мне нет силы,
Мне галлицизмы будут милы,
Как прошлой юности грехи... (Глава третья, XXIX [5, с. 59]) и т.п.

Важнейшим условием формирования литературного языка является его нормализация. В эпоху А.С. Пушкина вопрос о нормах правописания хотя и не был новым для русской письменности, но и не был решен до степени какой бы то ни было определенности. Сам поэт в статье «Российская академия» писал об этом так: «Прекрасный наш язык, под пером писателей неученых, неискусных, быстро клонится к падению. Слова искажаются. Грамматика колеблется. Орфография, сия геральдика языка, изменяется по произволу всех и каждого. В журналах наших еще менее правописания, нежели здравого смысла...» [6, с. 252]. Это замечание было высказано им в контексте обсуждения подготовки Академией наук словаря русского языка и выражало скорее беспокойство поэта по поводу отсутствия в правописании единства, унифицированных форм, а не призыв к ограничениям, регламентации в использовании языка. Как поэт, личность творческая, он не был сторонником строгого нормализаторства, выступал за свободу языка и речи: «Грамматика не предписывает законов языку, но изъясняет и утверждает его обычаи» [6, с. 355].

Судить о правильности / неправильности речи могут, по мысли А.С. Пушкина, только те, кто хорошо знает язык, постиг его гибкость и выразительные возможности. Морализаторство же в области правильности речи он считал за невежество и или порицал, как например, в упрёке, адресованном критикам: «Люди, выдающие себя за поборников старых грамматик, должны были бы по крайней мере иметь школьные сведения о грамматиках и риториках – и иметь хоть малое понятие о свойствах русского языка» [6, с. 57], или отзывался иронически о попытках навязать нормы, как о слепом следовании моде, что извинительно юным умам, но непростительно для профессиональных литераторов:

Не дай мне бог сойтись на бале
Иль при разъезде на крыльце
С семинаристом в желтой шале
Иль с академиком в чепце!
Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю.
Быть может, на беду мою,
Красавиц новых поколенье,
Журналов вняв молящий глас,
К грамматике приучит нас;
Стихи введут в употребление;
Но я...какое дело мне?

Я верен буду старине. («Евгений Онегин», глава третья, XXVIII [5, с. 59])

Таким образом, возвращаясь к начальному нашему тезису о векторах новаторского участия А.С. Пушкина в формировании русского литературного языка в аспекте тех необходимых качеств, которые должны быть присущи его обработке, отметим, прежде всего, его вклад в стилевое расслоение литературного языка. Он обозначил теоретически и продемонстрировал в своих произведениях то, что сложившиеся в его время языковые стихии и речевые практики не являются взаимоисключающими, а могут сосуществовать в языке, выполняя различные функции и обогащая возможности его использования в разных сферах жизни общества, что и составляет условие для формирования стилей. А.С. Пушкин сказал свое слово и по поводу заимствований из иностранных языков, не ратуя за них, но и не исключая, если в них есть необходимость. За его высказываниями о заимствованиях стоит неявный призыв к чувству меры и целесообразности.

И еще одним вектором его языковых размышлений и чаяний был вопрос о правильности использования языка, грамматической правильности речи. И его мнение по этому вопросу звучит вполне современно и актуально с методической точки зрения: чтобы судить о правильности, надо знать язык, глубоко изучать его грамматику, историю, разные языковые стихии, их функции и выразительные возможности, что он и демонстрировал в своем творчестве.

Литература

1. Беднарская Л.Д. Синтаксис романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». – Орел: ГОУ ВПО «ОГУ», 2008. – 372 с.
2. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX веков. – М.: Высшая школа, 1982. – 530 с.
3. Виноградов В.В. Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. – М., Л.: Academia, 1935. 457 с. // Фундаментальная электронная библиотека. Русская литература и фольклор / Эл.рес. http://feb-web.ru/feb/classics/critics/vinogradov_v/jaz/jaz-001-.htm?cmd=p.
4. Плетнева А.А. К характеристике языковой ситуации в России XVIII – XIX вв. // Русский язык в научном освещении. – 2006. – № 2 (12). – С. 213 – 229.
5. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10-ти томах. Изд. 4-е. Т. 5. – Л.: Изд-во «Наука». Ленинградское отделение. – 1978. – 528 с.
6. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10-ти томах. Изд. 4-е. Т. 7. – Л.: Изд-во «Наука». Ленинградское отделение. – 1978. – 544 с.
7. Судавичене, Сердобинцев Н.Я., Кадькалов Ю.Г. История русского литературного языка. – Л.: Просвещение. Ленинградское отделение, 1990. – 319 с.